

63.3(2)6

Б 871

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТ

РАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Д. БРЕВУЛЬ

НА ОСВОБОЖДЕННОМ

У Р А Л Е

С 1368301 - ко

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
КНИЖНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. С. М. КИРОВО
УЛ. С. С. С. С. С.
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949

TP
JKT
Pres

21/1/84
UK887
JF

83

10.01.2013

~~814045~~

~~311621~~

Д. Бразуль.

На освобожденном Урале
и в освобождаемой Сибири.

30621
030660
(Доклад, читанный т. Д. Бразулем в районных-
рабочих и партийных собраниях Москвы, со-
гласно указанию и командировке Московского
Комитета Партии)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УРАЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЕКАТЕРИНБУРГ—1921 г.

91323.2/47/1918

с. 1368381

Архив

Исчерпано

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИКАЦИОННАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. Г.Г. ЕРМИНОВА
С. СЕРДЮКОВСКИЙ

На освобожденном Урале и в освобождаемой Сибири.

(Доклад, читанный т. Д. Бразулем в районных-рабочих и партийных собраниях Москвы, согласно указаниям и командировке Моск. Ком. Партии).

Угрюмый и спокойный Урал сейчас, в июле девятнадцатого года, в момент освобождения из под пяты белых, стал еще угрюмее, еще спокойнее, чем год назад, в июне восемнадцатого года, когда нам пришлось со скрежетом зубным на время оставить его. И немудрено: белогвардейцы сделали все, чтобы эта угрюмость, эта замкнутость сделались еще серьезнее, стали настоящей спокойной уверенностью.

Очень сложные причины создали в прошлом году для белых возможность легкого овладения Уралом. Останавливаясь на них—значило бы вдаваться в целый ряд сообщений, оценивать целый ряд фактов, которые уже целиком принадлежат истории. Мы теперь знаем, что были некоторые ошибки Советской власти, которые в отдельных случаях, в отдельных местах создали недовольство некоторых групп. Мы знаем, что рабочие иных заводов не всегда были на высоте пролетарского самосознания, не понимали той роли, которая выпала им на долю в этот тяжелый исторический момент; и потому легко решились на опыт сменить большевиков белогвардейцами.

Белые пришли под знаменем «освобождения» пострадавшего населения от большевистского ига». И они действительно принесли освобождение: но не население и не от чьего-то ига. Они принесли освобождение азиатским всяческим эксплуататоров, они принесли освобождение временно запятой казацкой нагайке; долго славшей помещичьей плетке и кнуту.

Все далее сообщаемые факты покажут это со всей эпической простотой, и таким образом «освобождение», принесен-

ное белыми, предстанет в настоящем своем виде. Это—наглядная иллюстрация для обывателя, еще цепляющегося за иллюзию, будто белые суть миротворцы. Это—тяжелый урок для социалистов-соглашателей, успевших за эти год, полтора на Урале и в Сибири пройти очень тяжелый крестный путь—от Учредительного Собрания и провозглашения всех свобод до признания диктатуры царских генералов и полумолчаливого одобрения всеобщей и явной порки.

Есть два момента во всей работе белых за этот год, которые не только усилили еще более черную окраску «освободительной» миссии белогвардейства, но и открыли совершенно новые страницы мировой истории.

Никогда, читая мрачные повествования историков на-рижской коммуны о зверствах версальских буржуа, мы не представляли себе, чтобы рыхлый русский купец, чтобы добродушный спившийся русский офицер, чтобы рядовой член любой интеллигентской группы были способны на хотя бы тень подобных зверств. И однако почти годичный опыт белогвардейского «освободительства» на Урале показал нам, что пермские и екатеринбургские звери превзошли через пятьдесят лет зверей версальских.

И еще:

Быть может никогда еще в истории не было более ярких иллюстраций, не было более циничного проявления основных, искреннейших чувств белой кости к черной. Всегда сдерживаемые классовыми и сословными перегородками, взаимными обязательствами в области труда и управления, группы, стоявшие над рабочими и крестьянами, проявляли обычную свою ненависть к черной кости, особенно сильно лишь в тех случаях, когда эта черная кость почему-либо особенно «раздражала», вызвала благородный гнев белой кости. В будничном быту их взаимные отношения носили иногда характер идиллии, расписывать и размалевывать которую до степени прекраснейшей картины всегда любили те, которые считали классовую рознь недоразумением эпохи или выдумкой крамольников, а в проти-

вовсе этому ставили возможность совершенного, благодушно-го, беспартийного сотрудничества всех классов, полов, племен, наций и умов.

Все сдерживающие рогатки в прошлом году на Урале были сломаны, и интимная ненависть белой кости к черной проявилась во всю. Совершенно свободно, без слова порицания со стороны моралистов, без упрека седовласого старика и мягко-сердечной женщины пагайка, кнут, плетка, саног, кулак, гуляли по всему телу уральских рабочих и крестьян.

Ниже факты скажут сами за себя, но еще более их, пожалуй, способна сказать следующая справка:

Накануне прибытия Красной армии в июне 1919 года, за 8, 10 дней до восстановления Советской власти, пермская газета, руководимая и подписываемая бывшим московским меньшевиком, издаваемая кооперативным союзом и являвшаяся демократической с ее точки зрения и несколько даже крамольной с точки зрения колчаковской власти, совершенно серьезно доказывала в передовой статье, что порка быть может едва ли способна внести в край порядок и законность; газета очень мягко журила правительство и полемизировала с ним по этому поводу; а несколькими столбцами ниже, в том же самом номере фельетонист (быть может автор той же самой передовой) проливал крокодиловы слезы об эпохе, в которую приходится доказывать бесполезность порки.

Вот два элемента, которые совершенно твердо и определенно характеризуют всю работу белогвардейцев на Урале за эти 10—11 месяцев.

Зверства, ужасающие жестокостью, превосходящие мучительства версальских зверей. И, быть может, небывалое в истории, совершенно свободное, искреннее и наглое издевательство белой кости над черной.

1. Первые впечатления, первые рассказы о зверствах.

Уже на пароходах, начиная с Нижнего, слышишь эти первые рассказы, начинаешь осознать и чувствовать весь ужас белогвардейского хозяйничанья на Урале.

Первый рассказ где то на Каме, близко к Волге, казался тяжелым, его быль—ужасающей. Но, думалось—это один из ряда случаев, каких во всякой войне много. И только потом, когда обгорелые пароходы на пути, когда больные, изувеченные люди, когда третьи...десятые...сотые повествования повторяли все ту же кошмарную быль—она встала во весь свой настоящий рост:

— Я лежал в тюремной больнице четыре месяца и меня выпустили, потому что доктор сказал: «Дальше месяца не протянет». Я вот уже второй тяну, по дотяну ли. Они взяли меня на заводе по доносу, что я знаю, где большевики спрятали оружие. Держали с месяц и били только кулаками. На втором месяце стали бить шомполами. Сначала холодными, потом горячими. Обожгли всю спину и обе руки. Так было с неделю, каждый день. В самый последний раз избили до бесчувствия, а один взял шомпол, воткнул мне в задний проход и... вертел там, раскровянив все кишки. Кровь потом долго шла и теперь она с обоих концов иногда идет. Да теперь, ведь, все равно—не надолго.

Спокойный, ледящий кровь, рассказ. Только через каждые два-три слова тяжелая одышка.

Весь уничтоженный, подавленный этим мученичеством, этой покорностью тому, что совершилось, подавленный терпением этого сына «всевыносящего русского племени», хочешь уйти, не слышать больше, но на язык сам собой просится вопрос и, словно капли раскаленного олова, падает ответ:

— Ну-да. Знал. Но не сказал. Не мог сказать... а теперь, когда наши пришли, это оружие опять откопали. Как же было сказать: там было много—сорок винтовок, патроны и пулемет.

И, медленно укутавшись, с помощью десятилетнего братишки, в пальто, сходит он в каюту, чтобы забыться больным сном до утра. На близкой пристани его будет ждать жена и...смерть. Потому что и казанский советский доктор, у кото-

рого он был, не смог его утешить и обнадежить, так же как и доктор белствардейский.

Подавленный этим рассказом, я не спросил имени этого мученика, чтоб когда-нибудь записать его в поминальник безвестных героев, своею кровью и жизнью заплативших за преданность Советской России. Но он не один, этот безвестный герой. Весь Урал полон подобных рассказов, и имя одного из таких героев мы знаем:

На Верхне-Исетском заводе в Екатеринбургe, рабочий 16—17 лет был арестован по такому же подозрению. Мучители жестоко его избивали и, в конце концов, вывернули руки назад так, что он совершенно перестал ими владеть. И все таки он до конца был стоек. Гуляя по тюремному двору, он старался не обнаружить знакомства с другими арестованными товарищами, чтобы их тоже не привлекли к этому допросу и не стали без вины мучить.

Имя этого героя—Василий Мельников. Пусть оно останется в нашей памяти, как вечный укор белым зверям и как пример истинного классового героизма в рядах безвестных пролетариев, тысячами раздавленных под пятой Колчака в этот ужасный год на Урале.

Один из первых поездов Пермь—Екатеринбург, медленно ползущий по горно-заводской линии, подолгу стоит на станциях. Около вагонов и в вагонах—те же спокойные рассказы, та же всепокорность перед пронесшимся ураганом зверств, но только всюду она венчается не клятвой, не взрывом ненависти и чувством мести, а таким же спокойным твердым обещанием—не забыть дорогого мертвеца, упрямо и твердо идти по его дороге.

Тихо перебрасываются словами едущие искать живых или мертвых жен, детей, мужей, братьев:

— А Федя где?

— Федя. Федю белые расстреляли, как только пришли—мастер на него показал. А перед расстрелом несколько раз по-роли...

— Так-так...

— А жена его?

— Жену держали в тюрьме целый год—осталась жива только потому, что тифом заболела совсем накануне нашего прихода.

— Так-так...

— А Николай Селиванов, помнишь, рыжий котельщик такой был?

— С ним скверно было: застрелили его, он упал, да не сразу помер, а пополз немного. Ну и саблями его так искрошили, что потом, когда всех хоронили (смилоstinивились белые—разрешизи), так только по костюму его и узнали.

— Так-так... Ну, а эта барышня союзная, Марья Николаевна, ведь она не убежала тогда с нами?

— А ее долго не трогали, а потом кто-то донес и ее выporоли, тридцать пять плетей дали, за то, что служила конторщицей в союзе. Так прямо и сказали, что за это, и в тюрьме продержали два месяца.

— Так...так...

И не срываются больше с уст вопросы, жутко от того, что несется в ответ.

В каждом вагоне, на каждой станции десятки, сотни таких вопросов и ответов и этих, надрывающих душу, тихих, скорбных, беспокорных «так...так...»...

2. Разрушительная работа белых.

Нечеловеческие зверства по отношению к рабочим и крестьянам—это только одна сторона той «борьбы» с ненавистными большевиками, с советским строем, с Красной армией. Приносая, якобы освобождение от большевистского ига, борясь с этими своими врагами, белогвардейцы убивали, мучили и всячески издевались над теми самыми рабочими и крестьянами, которых они пришли «освобождать».

Но их ненависть к новому строю, вытолкнувшему их из жизни, проявлялась еще и в другом: с невероятной целеностью, с поражающим цинизмом они уничтожали также все, что

могло служить для мирных потребностей невоющего с ними населения. Если бы они потопляли пароходы, сжигали станции и целые поезда по плану боевой операции, это было бы понятно: так делают на войне все, так делаем, в случае надобности, и мы. Но в том то и дело, что разрушения белых были меньше всего направлены против боевых частей Красной армии и больше всего против интересов того самого населения, которое они пришли освободить. Отряд белой гвардии останавливал пароход или поезд, высаживал публику и затем сжигал этот пароход и поезд, не оставляя от них ничего, кроме железных осей, колес, крючков и цепей. Только войдя в Каму с Волги, уж очень скоро замечаешь эти сожженные пристани, перевернутые вверх дном пароходы. Дальше в Перми видишь на берегу сожженные баржи, зияющий пустотой взорванного пролета мост, слышишь новые и новые рассказы о разрушительной работе, о зверствах белой гвардии над крестьянами и рабочими, и начинаешь понемножку понимать их психологический и исторический смысл:

— После нас хоть потоп. Нам сюда не вернуться и потому надо оставить большевикам пустыню, отомстить им за большевистскую заразу, которой они отравляют все вокруг себя.

Вот почему сжигаются пароходы и пристани, целые маршрутные поезда, станции, водокачки. Вот почему уничтожается хлеб, который вывезти нельзя, ибо Красная армия преследует по пятам. Вот почему увозятся с собой части машин и все интеллигентные силы, начиная от зубного техника и кончая инженерами и врачами.

На горнозаводской линии станционные служащие ютятся в вагонах, из-за отсутствия взорванной водокачки, паровоз бежит к ближайшей речке и тянет из нее воду обыкновенным насосом. На некоторых станциях сожжены даже деревянные перроны и будки с кипяtilьниками для воды. Но белогвардейцы ошибались, думая, что борясь таким образом с ненавистными большевиками, что нанося по существу вред не им, а тому са-

тому населению, которое они пришли «освободить», они достигнут каких-нибудь результатов и сломают силу Красной армии. Вот пример:

От Вятки до Екатеринбурга было свыше 60-ти железнодорожных мостов: белые взорвали 40 из них, но не прошло и месяца, как наши отряды восстановили все мосты. Конечно, выброшенные взрывом, железные фермы валяются по обоим сторонам взорванного моста, а на месте его уложены одна на другую деревянные шпалы и балки, скрепленные между собою железными болтами—и поезда медленно проходят по ним, победжая те препятствия, какие хотели поставить на пути продвигающейся по пятам Кольча Красной армии белогвардейцы. Был такой случай: начальник железнодорожного коммунистического отряда предложил инженеру составить проект постройки моста через реку Чепцу—в четыре дня. Инженер категорически отказался, заявив, что эта постройка должна отнять не менее 10—12 дней. Но отряды Красной армии, которым необходимо было перейти реку теперь же, сейчас же, были близко: начальник отряда обратился к товарищам с горячим словом—и 160-саженный мост через реку Чепцу был построен в четверо суток. Участники отряда работали по 36 час. без смены, отрываясь только для чая и обеда.

Немудрено, что подобные факты невольно поселяют надежду и уверенность, что общими усилиями крестьян, рабочих и Красной армии эти разрушения, этот кошмарный ущерб, нанесенный народному достоянию, будет шаг за шагом ликвидирован.

3. На кладбище пароходов.

Устье Чусовой, до Перми, от ее впадения в Каму и до станционных зданий ст. Левшино—вот это леденящее кровь пожарище сожженных белыми гадинами пароходов и барж. Сколько их было сожжено? Одни говорят 37 пароходов и 38 барж, другие—50 пароходов и 117 барж, третьи—117 пароходов и барж. Я насчитал в устье—на расстоянии версты с

четвертью—26 паровых труб над водою, да по Каме вниз—4. Те товарищи, которые уже занимались исследованием и промером устья Чусовой, говорят, что верхний ряд торчащих паровых труб был нагроможден белыми на ряд потопленных раньше...

Таким образом—цифры погибших паровых судов становятся очень высокими. Так оно, очевидно, и есть: было сожжено и потоплено значительно больше пятидесяти паровых судов.

Надо положить твердый конец слухам, будто не белые подожгли, будто какой то неизвестный хулиган, уже по уходе белых, поджег вылитый ими в Чусовую мазут.

Очевидны говорят ясно:

Белые вылили нефть и керосин из черного бака на берег и из двух броневых паровых судов и подожгли с двух сторон: от складов вблизи станции и конторы заводских складов железа, вслед за которой горел и химический завод Ушакова. А по реке бежал другой пожар. Две избушки караульщиц они тоже хотели поджечь, но жены умоляли «в чем мы-де жить будем». Однако замку вдовы Лядовой сзади этих избенок сожгли до тла.

Такова единая правда.

Все пожарище—картина того, что может сделать в железом рассердившийся на него огонь.

Самые невероятные изломы, провалы, изгибы. Гигантские трубы свернуты, скрючены в кренделя. Кормы паровых судов сжались в комок, словно кузова обгоревших колясок. Одна труба разломилась наверху—и эта часть отвисла точно крышка. Стоят пные трубы ровно,—как на земляном пожарище, над железной коробкой, как над тонкой. Вот труба: издали—ровная, целая, а вблизи—вся вздувшаяся, почерпневшая, искривленная. Потерянные баржи лезут на берег, будто спасаясь от бури. И там, действительно, нефть оставляла их в покое—и хоть днища остались с торчащими гребнями гвоздей. В од-

ном месте—воды не видно, все заняли черные угли перегорелых барж размером в 3—4 больших городских дома.

Бушующий огонь двигал пароходы и баржи словно парусом—и один из пароходов пытался к берегу, пока не вздыбился рулем на каменную набережную, чтобы уж застрять здесь совсем беспомощно.

По берегу идет черная кайма—обгорелые бревна, куски степок, отмытая водой полоска мелких углей.

А над водой, на берегу—ряд пней сгоревших хлебных амбаров. Рядом склады железа—между пылавшей водой и горевшими амбарами—только сжались накалившиеся с краев, но не подвергшиеся порче.

А хлеб...

— Только в среду прекратилось его горение. Все время горел и сейчас дымится. Ну, потушили этими двумя насосами, а теперь сортируют оставшееся обуглившееся зерно.

«В среду».

Это значит с 30 июня—по 23-е июля: недаром так легко щекочет нос горелым.

Нога тонет до полколена в обгорелом зерне. Беру «на память» 3 пробы—от сыпучего угля до сравнительно чистого и два куска спрессовавшегося зерна—точно шлак.

Из парохода вблизи берега еще одну вещь беру на память: обгорелую шелушащуюся парходную цепь, которая привешивается на всходах:

— Вот на какой цепи надо было бы привести сюда колчака, чтобы увидел он дело рук своих, и на ней его повесить...

Борясь с ненавистными большевиками, лишать все население края десятков пароходов и барж... То самое население, об «освобождении» которого они «заботятся»... Это—такое подлое, такое страшное дело белых колчаковцев, за которое никакая казнь им не будет жестока, никакое проклятье—словом и делом—не будет сильным.

Стреть этих гадов с лица земли—наша благородная, святая задача.

4. На кладбище станков.

Лысьвенский завод—один из крупнейших на Урале. В меньшей своей части он металлургический—железоделательный, в большей—он изготовляет всевозможную эмалированную и жестяную посуду: тазы, кружки, манерки, котелки, чайники, ведра, а также заступы и проч. До войны на заводе работало около 9000 человек, позже эта цифра сократилась до 5—6 тыс., при белых она упала до 3—4 тыс. Уходя, белые взяли с собой не только высший и средний технический персонал, но также и мастеров и квалифицированных рабочих, которые в последнее время играли по отношению к остальной рабочей массе роль кнотов. Вся эта публика, естественно, боялась прихода этих мифических отрядов латышей, китайцев, и мадьяр, которые де режут мужчин и насилюют женщин. К нашему приходу рабочих насчитывалось еле 2½ тыс. Некоторая часть из них, прятая на протяжении целого года свои советские и большевистские склонности, вступила в ряды Красной армии и пошла по пятам Колчака. Завод остался временно безлюдным и мертвым.

Именно это впечатление безлюдности только и остается у постороннего зрителя, если обойти завод, как он есть: не стучит штамповочный отдел, холоден вечно знойный обжигательный цех, не бьет в нос кислотами в цехе лудильном. И кажется: ушли просто отсюда люди, не работают—и завод почему кажется мертвым. Достаточно прийти сюда человеку, повернуть ручку станка—и снова загудит, запищит и завизжит вся эта большая фабрика.

Но это только кажется. Белые, уходя отсюда, решили сделать все, чтобы напакостить ненавистным большевикам. И они поступили так, как поступили в сотни, тысячи других случаев, когда, желая повредить большевикам, наносили материальный ущерб тому самому населению, которое они призывали «освободить» от большевистского ига.

Товарищ, работавший здесь в прошлом году и знающий родной завод, с горечью рассказывает и показывает:

— Станков не взрывали, не ломали, а вынули из них их душу, их «святая святых». Посмотрите: в этих двух, трех десятках станков нет ни одного штампа—белогвардейцы вывезли их, чтобы завод не мог больше изготавливать посуды. И они добились этого. Мы имеем вот эти кучи обштампованных частей и посуды и закончим эту работу, но дальше ни-ни. Штампов нет и посуды не будет. Все эти станки теперь мертвы, это—кладбище станков, а не живой завод.

Чувство бессильной злобы—первое, которое охватывает при этом зрелище, а потом в голову проникает сверлящая мысль:

— Ведь не могли же они увезти эти штампы куда-нибудь далеко. В лучшем случае они их бросили на дороге или где-нибудь закопали.

И действительно, на станции Кузино, в нескольких километрах от Лысьвенского завода, мы находим на железнодорожных путях сгоревший маршрутный поезд, вагонов в тридцать: в половине из них—сбитая в кучу обуглившаяся посуда, которую белые жадно хотели увезти с собой, а в другой половине вагонов сгоревших—обуглившиеся штампы, вывезенные с завода. Но штампы—стальные, огонь не мог их значительно повредить, и достаточно произвести полировочную работу, чтобы они могли опять служить заводу. Телеграмма заводскому рабочему комитету—и в груди остается определенная надежда, ясная уверенность, что штампы вернутся на свое место и все хищное дело белых будет ликвидировано в нашу пользу.

Перед митингом на заводе, первым митингом после года белогвардейского принижения, слушаешь, слушаешь—и не слушаешься и не можешь опомниться от новых и новых рассказов с всяческим издевательством над рабочими. А над всеми этими рассказами стоном стоит в воздухе это слово, этот кошмар, этот своеобразный «лозунг» белогвардейщины: порка, порка и порка...

Белые не пытались ни на одну минуту чем-либо расположить к себе рабочих, не могли они, конечно, заботиться о культурно-просветительной работе среди лысьвенских пролетариев. Единственное новое, что они попытались внести в жизнь завода, это изготовление казачьих пик в одном из цехов завода. Но эта попытка им не удалась: мы видели стальные болванки для этих пик, обточенные не до конца, а сторож цеха говорил, что белые так и не успели наладить это «культурное» производство.

5. Еще о «подвигах» белых.

В Мотовилихе, на митинге снова приходится выслушивать рассказы об издевательствах белых над рабочими и все о той же всеобщей и явной порке. И здесь, в Мотовилихе, оказалась своя «Марья Николаевна», конторщица из союза, которой сыпали тридцать плетей за службу в этом союзе. И здесь рассказы о тюрьме, порке, битье по лицу кулаками и нагайками за не так брошенный взгляд, за пустое подозрение в приверженности к Советскому строю.

В Усолье, центре соляной добычи, белые, перед самым своим уходом бросили в затопленную шахту пятьдесят семь рабочих, заложивших, по указанию какого-то продажного негодяя, в большевизме. Их товарищи, избегшие этого подозрения, слышали их крики и стоны о помощи, но ничего не могли сделать, потому что солдаты белых охраняли это ужасное место казни и никого близко не подпускали. Как только ушли последние отряды белых, рабочие бросились к шахте, но было уже поздно: ни один из пятидесяти земли не остался в живых. А при осмотре трупов на них не было найдено крупных признаков насилия: очевидно, что все они были брошены в затопленную шахту живьем. Это—не единственный случай: в Кушвинском заводе, в затопленных шахтах найдены были десятки трупов рабочих.

В Екатеринбурге жена рабочего искала разыскать труп расстреленного мужа. Не найдя его—день клонился к ночи,—она

тут же среди трупов казненных, держа на руках трехлетнего ребенка, забылась тяжелым сном. Проснувшись она рано утром, когда на это место привели следующую группу рабочих, обреченных на смерть. Палачам некогда было разбираться, кто осужден, а кто пришел разыскать труп близкого человека—и женщина была расстреляна вместе с ребенком на ряду с вновь обреченными на смерть товарищами. Те, кто знает детально все этапы этого кошмарного дела, говорят, что от ребенка остались только клочья.

Педагог-эсэр Младов, распинавшийся только-что в газете по поводу советских Чрезвычайных Комиссий и называний «Бюллетень В. Ч. К.», журналом палачей,—своей провокаторской работой добился того, что двух учащихся—Морозову и Дукельского, заподозренных в большевизме, расстреляли.

Жена ответственного работника, оставшаяся в прошлом году здесь, несколько раз была арестована и сидела в тюрьме. За месяц до прихода красных ее позвали вместе с ребенком трех лет во двор, на котором обычно расстреливали рабочих, и бросили на трупы и на раненых товарищей, доживавших последние минуты—и на этой куче трупов и стонущих людей она провела две ночи и два дня; испуганный ребенок все время плакал и кричал, что ему страшно, просил увезти отсюда. Наконец, палач, заведывавший этим двором казни, наскучив стопами ребенка, избил измученную женщину и вытолкнул ее за ворота.

Так «счастливо» кончилось это мучительство для жены ответственного советского работника.

В Режевском заводе белые, арестовав молодого рабочего, набросили ему на шею петлю и водили по заводу, требуя, чтобы он указал, кто большевик, подбодряя его ударами и пинками. Неизвестно, указал-ли на кого-нибудь этот несчастный, но в тот же день, на той же петле он был повешен.

Белые уничтожали все, лишь бы ничего не досталось нам. В физическом кабинете женской гимназии в Екатерин-

бурге, белогвардейские офицеры самолично уничтожали ударами прикладов всякие инструменты, банки и проч. приспособления—лишь бы ничего не досталось ненавистным большевикам.

В Перми рабочий-типограф рассказывает:

— А я ему говорю: «Зачем же вы портите машины. Если боретесь с большевиками, то зачем же у нас отнимаете насущный кусок хлеба». Он поднес кулак с нагайкой мне под самый нос и говорит: «Я могу сделать и с тобой и с типографией все, что мне захочется—и вот бумага, разрешающая мне все это». И снова стал бить прикладом по машинам.

Вот беглые, вырванные на удачу из десятков подобных рассказы, совершенно ясно очерчивающие, как боролись белогвардейцы с ненавистными большевиками и как они «освоивали» рабочих и крестьян от большевистского ига.

6. Как они лгали о Советской России.

Но пора оставить эти кошмарные картины, эти жестокие наметки пребывания белогвардейцев на Урале. Обратимся к их жизни вне борьбы с ненавистными большевиками, вне «освоения» населения от большевистского ига. В этом отношении прекрасным, искренним зеркалом служит белогвардейская печать всех оттенков, начиная от подобострастных монархических и кончая «демократическими» меньшевистскими.

С момента ухода нашего одиннадцать месяцев тому назад в июле п. г., и за 8-10 дней до нашего прихода в этом году вся белогвардейская печать в один голос рассказывала о том, как погибает советская власть и как большевикам остается дожить самые последние дни и часы. «Демократический» передовик июня девятнадцатого года мог не трудиться писать новую передовую статью—ему достаточно было вырезать ножницами такую же статью июля восемнадцатого года, наклеить ее на бумажку и послать в типографию.

В июле прошлого года он писал:

«Всеобщая мобилизация у большевиков—это уже предсмертный дуэль. Это последнее и самое отчаянное средство, к которому большевики могли прибегнуть в

КНИГОХРАНИЛИЩЕ

ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ

г. СВЕРДЛОВСК

Крат.

смертельной опасности, так как они прекрасно знают, что эта мобилизация в ближайшем же будущем поведет лишь к образованию и усилению новых «внутренних» фронтов, так как чаша народного терпения давно уже переполнилась. Для большевизма бьет грозный последний час».

Передовая той же газеты за июнь нынешнего года сообщала:

«Большевики корчатся в последних судорогах. Бросаемые ими на фронт новые резервы—уже самые последние. Не далек тот час и тот день, когда советская власть истечет кровью, и для большевизма наступит его естественный конец».

Самой интересной частью всех пермских и екатеринбургских газет («Наш Урал», «Освобождение России», «Отечественные Ведомости» и др.) был отдел «Что делается в Советской России». Он не всегда был полон и не в каждом номере присутствовал, но это чтение—безусловно было самое занимательное во всей газете. Вот примеры:

«ПОКУШЕНИЕ НА ТРОЦКОГО. Владивосток, 22-го марта. (РТА). Японское радио сообщает. Из Петрограда телеграфируют, что на одном из вокзалов красноармейцами совершено покушение на Троцкого. Пуля прострелила Троцкому спину, адъютант его ранен».

Июнь 19 г.

«В самой Москве вспышки, восстания не прекращаются. Особенно сильное восстание было на Брянском заводе, подавленное со страшной жестокостью. Вызванными с фронта латышами, мадьярами и китайцами расстреляны сотни рабочих».

Читателю не москвичу надо, конечно, мимоходом напомнить, что Брянский завод, не говоря уже о китайцах и мадьярах, никогда в Москве и не был.

В декабре прошлого года, под заголовком «Страшный голод в Москве» газета сообщала:

«Неизбежность близкой расплаты чувствуется всеми, поэтому каждый большевик старается захватить как можно больше денег и ценностей. За последнее время комиссары в расходовании денег установили исключительный порядок безотчетных авансов. Население Москвы

голодает. На улицах часто режут и тут же едят павших лошадей (Эклер)».

Следующая сенсация:

РАСПРИ И ССОРЫ. Московский совдеп отменил распоряжение Троцкого об аресте Ленина. Ленин почти не у дел, а Троцкий редко показывается в Москве. Образовались две партии—ленинцы и троцкисты, взаимно враждующие друг с другом. Ждут вооруженных столкновений, которые неизбежно должны произойти, так как обе группы стараются над изобличениями друг друга в саботаже и контр-революционности.

Следующая заметка:

Троцкого, кроме того, обвиняют в монархических замыслах против рабоче-крестьянского правительства. Троцкий действительно сказал речь, когда подготовлял почву для ареста Ленина, «что России лучше подходит к лицу монархия, чем советская республика, если будут происходить существующие безобразия».

Агентство РТА сообщает из Владивостока от 3 июня текущего года:

«Телеграмма, полученная из Выборга через Стокгольм, говорит, что петроградские большевистские главари охвачены паникой, многие из них уже бежали, захватив казенные деньги. Петроград во власти китайских, латышских и финских красногвардейцев».

Маслитое агентство Рейтера, одно из старейших в Европе, скромно сообщает от 6 апреля:

«Из Петрограда сообщают, что последние происходящие там беспорядки приняли угрожающий характер для правительства Ленина. Авторитет Ленина в Петрограде сильно пал».

Тот же Рейтер от 17 марта под заголовком «Зверства большевиков» извещал:

«Владивосток. Телеграмма из Лондона сообщает. Отвечая на вопрос в палате общин, Гамабуд сообщил, что число убитых большевистским правительством громадно. Английское правительство знает из достоверных источников, что большевистское правительство занимается для

убийств китайцев. Тела убитых показывают, что их перед смертью мучили».

25 февраля пермская газета сообщала:

«19 февраля за отказ идти на фронт целиком расстрелян большевистский пензенский полк. Расстрел производился в трех местах. Этому полку сначала было обещано освобождение, но, когда он сдал оружие, начался расстрел».

Следующее сообщение Рейтера, от 17 мая из Владивостока:

«По сведениям лондонских авторитетных источников, русские крестьяне в возрастающем числе восстают против большевистской власти, в особенности в районе Волги и центральной России. В Саратовской губернии объявлено военное положение почти во всех уездах: Убито много агентов советской власти, Московский совет весьма встревожен: В марте в Петрограде произошли весьма серьезные забастовки, подавленные самым жестоким образом. Однажды при усмирении на собравшихся рабочих были пущены струи пара и кинятку».

Сообщение от 3 июня тек. года:

Пробравшийся через фронт из Москвы кооператор сообщает:

«Москва умерла совершенно. Смертность от голода и инфекционных болезней ужасна. На улицах сплошные вереницы гробов, многих хоронят без гробов, вследствие их дороговизны, мастерские не успевают изготовлять гробов, так много ежедневно умирающих. Самоубийства на почве голода и отчаяния—обычное ежедневное явление».

Приведя мимоходом справку, что никогда еще в Москве не наблюдалось столь низкого процента самоубийств, перейдем к следующему сообщению, белогвардейской газеты:

«На улицах Москвы, вдоль путей трамвая стоит специальная стража для препятствования многим желающим покончить жизнь самоубийством под колесами трамвайных вагонов».

Белогвардейская газета от февраля тек. года сообщает нам сведение, которого мы, конечно, не имели до сих пор. Под заголовком «Кто лечил Ленина» она сообщает:

«После покушения на Ленина, в Петрограде в газете «Таблетки» промелькнуло следующее: «Лейбхирург его величества, согласно высочайшего приказа, отбыл в Россию».

Другими словами Ленина лечил доктор, подсланный германским императором.

Также точно мы не знали, что Петербург уже несколько раз был взят белыми. В январе газета «Наш Урал» крупным шрифтом напечатала:

«По полученным из Омска сведениям, Петроград занят войсками Юденича. При взятии Петрограда участвовали главным образом эстонцы и русские добровольческие части, которые наступали со стороны Нарва—Псков. С северной стороны в штурме города участие принимали финские и шведские военные силы. Перед наступлением на гор. в Петрограде начались забастовки рабочих и восстания, последние несколько раз беспощадно подавлялись большевиками. Около самого города часть красноармейцев пыталась было задержаться в заранее подготовленных окопах, но была выбита из них и бежала. Передают, что Троцкий, руководивший сам лично обороной Петрограда, по одним источникам взят в плен под Нарвой и расстрелян, по другим—бежал вместе со штабом в Новгород. Радио передает, что город несколько пострадал от бомбардировки».

Другая газета, по поводу взятия Петрограда, писала в передовой 2 февраля девятнадцатого года:

«На этот раз известие о падении большевистской власти в Петрограде настолько обстоятельно и находится в противоречии с предшествовавшими сведениями, что при всей нашей осторожности мы считаем его за факт. Факт тем более отрадный, что большевики изгнаны из Петрограда не внешней силой наступающих войск, а изнутри, восстанием самих рабочих и матросов—этой «красы и гордости советской республики».

Третья газета, сообщив мимоходом, что по одной версии, в Петрограде произошло восстание рабочих, а по другой он взят союзным десантом, закончила приветственную заметку «К освобождению Петрограда» следующим аккордом:

«Огромное моральное и практическое значение имеет взятие в плен Троцкого, этого злого гения русской революции: Несомненно потеря такого видного вождя внесет в ряды советских войск, уже и так разлагающихся, еще большую дезорганизацию и развал».

Газета от 31 мая передавала владивостокскую телеграмму агентства Рейтера о том, что:

«Большая часть Петроградской губернии очищена совершенно от большевиков. Местное население оказывает содействие военным операциям против большевиков».

Тот же Рейтер от 3 июня сообщал:

«Союзниками приняты все меры к снабжению Петрограда продовольствием по изгнании из него большевиков».

А в телеграмме из Лондона от 1 июня под заглавием «Надежды англичан» РТА сообщала:

«Черчилль в Палате Общин заявил, что через два месяца можно ждать полного торжества антибольшевистских партий России, исключительно силами самих русских».

Возвращаемся на месяц назад и в газете от 26 апреля читаем:

«КРАХ БОЛЬШЕВИЗИИ. Существует общее мнение, что больше месяца, в крайнем случае полтора месяца, Совнаркому не удержать власть в своих руках, даже если и не нажимать из Сибири: Общей и очередной задачей для советских дельцов является изыскание мест, куда бы можно было укрыться, так как единственный путь в Германию скоро будет перерезан, да и в Германии вряд ли будет безопасно, так как там русских большевиков также стараются поголовно истреблять».

6 апреля Рейтер сообщал из Владивостока под заглавием: «Заявление Луначарского о безнадежном положении большевиков».

«Луначарский заявил, что положение большевистского правительства невыносимое. Доверие самых ярых большевиков колеблется благодаря недостатку хлеба, отопления и сырья. Все это служит причиной недовольства против правительства, которое обвиняют в неспособности. Луначарский заявил, что самый главный враг большевиков—союзники, установившие блокаду. Он предсказыва-

ет самый скорый конец большевизма, если блокада продолжится».

Жаль, конечно, что белогвардейская газета не сообщила, кому именно сделал подобное заявление т. Луначарский... И удивительно, что т. Луначарский за подобное сообщение до сих пор не попал в Чрезвычайку.

5 апреля агентство Рейтера сообщило о том, что английское министерство иностранных дел выпустило книгу о большевизме с 1918 г. по настоящее время, с приведением официальных документов. В этой телеграм. приводилась следующая выдержка из книги:

«Один докладчик англичанин, уехавший из России в декабре, рассказывает, что жители расстреливались тысячами, но за последнее время стали не расстреливать, а вешать. В докладе упоминается случай, когда 150 русских офицеров, взятые в плен под Псковом, были распилены на куски китайскими солдатами. Британский консул из Екатеринбурга сообщает, от 15 января, что в уральских городах убиты сотни граждан, захваченным в плен офицерам вбивались гвозди в плечи, некоторым гвозди вонзены в глаза, у других отрезаны носы, третьих держали в воде до тех пор, пока они не замерзли».

Отметив мимоходом сообщение от 19 апреля из Лондона о том, как «с целью успокоения . восставших рабочих Петрограда приезжал из Москвы Ленин, произнесший речь» (как известно нам, т. Ленин в апреле в Петроград не приезжал), закончу анекдотическими сообщениями белогвардейских газет в марте текущего года о прениях между Лениным и Троцким по вопросу о том, стоит расстреливать Николая Романова или не стоит. Троцкий настаивал на расст. и на этой точке чуть было не вышел в отставку, но в конце концов восторжествовал, остался на своем месте, а Николай Романов был все-таки расстрелян.

Несколько особо от всех этих телеграфных сообщений, оправдаться в которых всегда можно, сославшись на газетные утки, обратимся к интересному источнику совершенно серьез-

ного характера. Некто И. А. Гаврилович, ездивший в Москву, очевидно, в марте, сделал доклад пермскому губернскому земскому собранию о том, что делается в Москве. Екатеринбургская газета «Наш Урал» посвятила 15 апреля его докладу несколько своих столбцов. Вот несколько выдержек из этого доклада серьезного земца, раньше служившего отнюдь не в привирающих журналах, а по лесному делу:

«Идешь в Москве по улице и кажется, что город пьян: все шатаются, и часто приходится видеть, как люди, выходя из трамвая, тут же падают в конвульсиях. Редко-редко проезжает по улицам Москвы извозчик на изголовавшейся лошади и часто лошади падают на улице, причем происходят ужасные сцены... Гр. Гаврилович видел сам, как на Самотеке пала извозничья лошадь, и публика набросилась на нее, стараясь перочинными ножами отрезать по куску мяса».

Приведя несколько справедливых справок об отсутствии в Москве продуктов, гр. Гаврилов сообщает:

«И над всей этой голодной Москвой царят комиссары, засевшие в Москве и разъезжающие по Москве в своих автомобилях: Кремль забит. Только через Никитские ворота можно проникнуть в него, но и то лишь тем, кто приглашен комиссарами, и на автомобилях, присланных из Кремля. Иначе в Кремль не попадешь».

В Кремле голода нет. Там все есть. Гаврилович был на съезде Высшего Совета Народного Хозяйства и там заведующий хозяйственной частью съезда говорил, что у них все есть, есть по спекулятивной цене, и что живет в Кремле хорошо. Не даром же комиссары и вид имеют другой, чем простые москвичи—у них вид розовый, цветущий. Так например Милютин, который раньше на нелегальном положении был очень худым, теперь отелся и разжирел. Знакомые Екатеринбургскому Крестинский и Сосновский тоже имеют недурный вид. Одеваются комиссары тоже недурно».

Остановим на этом поток выдержек из белогвардейских газет о Советской России и перейдем к их внутренней жизни, как она отражалась в ихней же печати.

7. «Домашняя» жизнь белогвардейщины.

Первое, что бросается в глаза, это-невероятно подобострастный тон газет по отношению ко всякому начальству. На первом месте в хронике обязательно идет заметка в роде «высокие гости», «прибытие Верховного Правителя», «чествование генерала такого-то» и т. д. Вот несколько характерных заметок подобного рода:

«ВЫСОКИЕ ГОСТИ. В ночь на 1-е июня в поезде Верховного Правителя прибыл в Пермь управляющий министерством внутренних дел В. Н. ПЕПЕЛЯЕВ. В Перми же находится сейчас атаман Оренбургского казачьего войска, стойкий боец с большевизмом генерал А. И. ДУТОВ».

«ЗАСЕДАНИЕ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ было открыто в восемь часов, закончилось оно без четверти 10 часов. Верховный Правитель прибыл в сопровождении начальствующих лиц и свиты, когда все гласные и гости были уже на своих местах. Он занял председательское место на возвышении, по правую сторону от него находились председатели городской думы и управы, по левую — Начальник Края и председатель земской управы».

Здесь хорошо все: и генеральские фамилии прописными буквами и звания начальствующих лиц, начинающиеся прописными же, в то время как председатель земской управы скромно напечатан обычным шрифтом; и то, что подобных заметок в пермских и екатеринбургских газетах во время белогвардейского ига было чрезвычайно достаточно, и они очевидно и должны были составлять ту культурно-просветительную пищу, какая предоставлялась на долю населения, «освобождаемого от большевистского ига».

Вот еще одна из «свобод», принесенная белыми: 26-го июля прошл. года, только что заняв Екатеринбург, белая власть обратилась к населению с таким благовещеньем:

«В виду того, что военного положения в городе и уезде ныне нет, ОБЪЯВЛЯЕТСЯ: свобода печати, собраний, союзов и общественных организаций. Для более тесного контакта военной власти с политическими партиями и общественными организациями, все объявления, воззвания

и обращении перед их печатанием—направлять для установления редакции в Штаб начальника гарнизона»

Анекдотичность подобного объявления свобод может превзойти пожалуй только проект щедринского помнадура о беспрепятственном разрешении всем гражданам курить во всех публичных местах и случаях за исключением....всего лишь 81 нижеоименованного пункта.

Интересы, какие обслуживала белогвардейская печать, кроме сенсаций из Советской России были приблизительно такие: лекции о воспитании воли; доклад о выводке цыплят, о посадке моркови, лекция по гигиене. Иногда эти интересы повышались до высокой степени общественности. Так, передовая пермской газеты «Освобождение России», редактируемой и подписываемой бывшим московским меньшевиком П. Мурашевым, от 22-го июня тек. года, т. е. за 8 дней до прихода Красной армии, писала:

«Сегодня Пермь выбирает отцов города на новое четырехлетие. Как беспартийная газета, мы не зовем вас голосовать за тот или иной список. Проявите сознательное, вдумчивое отношение к выборам и вы сумеете выбрать тех людей, которые теперь нужны для устройства разрушенного войной и революцией городского хозяйства».

Для того, чтобы усвоить себе как можно яснее смысл этого призыва выбирать в городскую думу «отцов города» за восемь дней до прихода Красной армии, достаточно сказать, что до большей политики, политики высшего сорта и размаха «демократическая» газета «Освобождение России» не подымалась.

Впрочем, был еще один случай: в том же июне передовые статьи пермских и екатеринбургских газет совершенно серьезно ставили вопрос—допустима ли порка. И, извываясь в трусости и подобоострастии, несмело уверяли свое правительство, что «подобным способом едва ли можно посадить законность и порядок». А в том же номере газеты фельетонист

подленько сокрушался о тяжелых временах, когда приходится доказывать вред порки...

От социализма и «Учредительного Собрания» до плети и розги—вот страшная Голгофа, до которой добрела отколовшаяся от живых народных сил интеллигенция. Что еще может быть кошмарнее этого колчаковского гипноза над нею... Как жалкий кролик стояла она на Урале и в Сибири перед этой очковой эмсеей и помертвевшими от страха губами переплетала просьбу сб Учредилке с тонким намеком на бесполезность розог.

Заводя иногда на страницах наших газет революционный поминальник, мы отмечаем, какой день в разные годы был замечателен рождением или смертью борца за свободу, забастовкой или выступлением рабочих, казнию царского прислужника. Но вот что поминала изо дня в день «демократическая» пермская газета. «Наш календарь» от 9 мая тек. года утверждал в умах населения следующие общепользные сведения:

«ПЯТНИЦА. 3-я седмица по Пасхе. Смч. Василия еписк. Амасийского. Св. Стефана еписк. Пермского Св. праведныя Глафиры девы.
Лит. Ев. Ин. 6. 48-54.

КАЛЕНДАРЬ ПТИЦЕВОДА: Птице, помещенной в тесных дворах, давать зеленый корм. Садить гусынь на яйца, появившихся цыплят строго оберегать от стужи и сырости. Выгодное время для свежих яиц, хорошо кормить индюшек-наседок, снимая их с гнезда и поднося к корму 2 раза в день».

Мы будем несправедливы, если ограничимся только этими справками: кроме рассуждений о пользе или вреде порки, белогвардейские газеты посвящали свои столбцы весьма интересным приказам военпоначальников и сообщениям о разных мероприятиях правительства по отношению к крестьянам и рабочим. Мы читаем о том, как «Начальник Челябинской группы чехо-словацких войск полковник Войцеховский» в заключение одного из своих мелких приказов заявляет:

«В случае неисполнения этого моего требования с виновными поступаю по своему усмотрению».

В апреле месяце газеты сообщали о том, что:

«В правительственных сферах разработан в окончательном виде и представлен на утверждение совету министров законопроект об октябрьском бунте 1917 г. большевиков против власти Временного Российского Правит.»

Дойти до того, чтобы через 1½ года после октябрьского переворота, когда все враги Советской власти разбросаны по отдельным углам, из далекого кармана грозить ей кулаком «Закона об октябрьском бунте» — это ли не наилучшая иллюстрация политического скудоумия белогвардейских заправил.

Вот в беглых чертах «внутренняя» жизнь белогвардейщины, как она отразилась в наиболее ярких чертах ихних газет. Естественно, что отбрасывая мимоходом сообщения о лекциях по гигиене и воспитанию воли, не заглядывая в святцы и «Календарь птицевода», даже белый читатель бросался к самому животрепещущему месту газеты — к тем очередным вракам о Советской России, которые все же носили на себе печать чего-то живого. Так именно об этом и говорят товарищи, оставшиеся под пятой белых, и обывательский элемент Перми и Екатеринбурга.

8. Белые и интеллигенция.

Трудно учесть все причины, по которым белым удалось утащить за собой не только буржуазную публику, которая, естественно, боялась большевистского террора, но и средний трудовой элемент с небольшим слоем даже квалифицированных рабочих.

Правда, перед самым своим уходом белые всячески распространяли (в том числе и с амвонов через попов) нелепые слухи о том, что впереди Красной армии идут отряды китайцев, латышей и мадьяр, которые режут всех без исключения мужчин и насилуют женщин. Но, конечно, этого слуха слишком было бы мало для того повального бегства интелли-

генции и среднего трудового элемента, какое наблюдалось в Перми и Екатеринбурге в июле девятнадцатого года.

Ведь Советская власть пришла на Урал в этом году на совершенно ровное гладкое место. В одно и то же время было и приятно и тяжело: приятно—уползли все буржуазные гадины, но тяжело, потому что за ними увязались элементы, которые прекрасно могли бы служить Советской власти. Ведь мы не нашли там не только инженера и доктора, не только архитектора и финансиста, но и чертежника, фотографа, бухгалтера и мастера—и приходится все делать, создавать советское строительство руками нескольких десятков прибывших из центра товарищей, а в большей части—силами самих рабочих. И лишь раз с новой силой приходится убеждаться в правильности позиции, занятой рабоче-крестьянским правительством в октябре семнадцатого года: да, рабочие и крестьяне должны научиться, они учатся и частью уже научились управлять государственной машиной.

В белом общем очерке нет возможности коснуться более подробно роли, во время белогвардейского засилья, социалистов-соглашателей и руководителей профессионального движения, которые владели жалкое, низкопоклонное существование. Однако, следует для характеристики этого рода явлений отметить следующий вопиющий факт:

Перед уходом из Екатеринбурга союз печатников представил Ц. К. союзов Урала докладную записку, в которой заявлял, что не следует эвакуировать машины и оставлять таким образом рабочих, не уходящих вслед за белыми, без их законного, справедливого заработка. Демократическо-меньшевистский Ц. К., препровождая этот документ какому-то высшему органу белых, руководившему эвакуацией, в свою очередь добавил такую сентенцию:

— Конечно, машин без рабочих эвакуировать не следует, но уж если признано будет за благо вывезти их, то необходимо в таком случае вывезти и рабочих, а раз их, то также их семьи.

Это ли не лучшая оценка собственной провокаторской работы со стороны уральских «демократов». Дойти до предложения белой власти эвакуировать, избавить от рабоче-крестьянской власти самих же рабочих—это достойный уральских соглашателей конец.

Из ряда других мимоходных фактов приведу несколько пестрых, характеризующих панику среди белых перед нашим приходом в июле тек. года:

Чтобы удрать из Перми, а позже из Екатеринбургa, буржуи платили до 18.000 рублей за билет и посадку в вагон. Много трудового среднего элемента, запуганного «мадьярами и китайцами», было безусловно вовлечено в невыгодную сделку этим белогвардейским кликушеством. Ослепленные, они бежали неизвестно куда и зачем, бросая привычную работу, забыв в панике—что же именно придется делать им в Екатеринбургe... Челябинске... Омске, вообще там, куда будет загонять их, вслед за белыми войсками, Красная армия. Через 7—10 дней по нашем приходе мизерная часть этих слепых тихохонько вернулась обратно. Мне пришлось самому видеть пожилую барскую барыню в шляпке, под зонтиком, запыленную, с котомкой на плечах, и узнать от нее, что она тоже бежала от мадьяр и китайцев, просидела несколько дней в ближней деревушке и осведомясь, что китайцев и латышей не видно—со страхом Божиим вернулась обратно.

Перед поездкой на первый после года белогвардейского ига митинг в Мотовилихе кто-то из товарищей заметил на крылечке отдела народного образования 3 интеллигенток, но всей видимости, народных учительниц. И через час и через два их видели все на том же крылечке. Наконец, возвратись с митинга, товарищ, заведующий отделом народного образования, поинтересовался, что им требуется. Путаясь в словах, перебывая друг друга и, как потом оказалось, боясь быть отправленными в неумолимую Ч. К., рассказали:

— Нас сильно напугали китайскими и мадьярскими отрядами. И мы уехали с одним из последних вагонов. Недалеко.

И вот, узнав, что часть бежавших возвращается обратно, мы тоже решили последовать их примеру. Пусть будет, что будет, только не можем мы сидеть больше без дела. И вот мы пришли. Делайте, что хотите, только дайте работу и не дайте помереть с голоду.

Вид этих жалобных фигур больше рассмешил, чем разжалобил товарища. И к великому их удивлению и неожиданно приятному разочарованию, этот страшный большевик, вместо того, чтобы поставить их к стенке, вместо отдачи во власть китайцев и мадьяр, или в лучшем случае, в руки Ч. К., дал им некоторое количество денег и сказал:

— Скорей возвращайтесь на свое место и учите пролетарских и крестьянских детей в десять, двадцать раз лучше, чем вы это делали в отношении белых палачей и их прихлебателей.

В знак подлиннейшего своего удивления, степень которого «не поддается никакому описанию», одна из учительниц умилилась до того, что даже всплакнула.

Этим штрихом я закончу иллюстрирование нелепого бегства среднего трудового элемента вслед за белогвардейским войском Колчака от той Советской власти, которая скорее, чем учредилковские «демократы» и буржуазные «освободители» рабочих и крестьян от большевистского ига, может дать и находит наилучшее применение энергии среднего трудового элемента.

9. Белые и прозрение крестьян.

На пароходной остановке для погрузки дров идем в ближайшую деревню. Крестьянин, который сразу же рекомендует себя «средняком», покаянно рассказывает:

— В прошлом году, как намучились мы от нашего комиссара, таково-то ждали, чтобы белые пришли. Так ласково и говорили: «беленькие придут». Брат у меня в городе в большевиках служил. Бывало придет, а я ему: хулиган ты, говорю. А он только смеется: вот придут наши большевички,

спасибо скажете. Пока, однако, большевики пришли, так раньше их беленькие пришли. Тут мы сразу и узнали, что это за беленькие такие. Офицеру или казаку не так ответишь—в морду. Гулаком или нагайкой. Если что из продуктов спрятанное найдут—порка, штук тридцать уж обязательно. Приедут беленькие—сейчас пускают своих лошадей прямо в хлеб несжатый. А чуть заикнешься—порка. Как удирать начали—всех лошадей забрали, а нас всех мужиков, немобилизованных, за подводчиков взяли. Так у многих мужиков из нашей деревни лошадок на смерть и загнали—вернулись мужики с одними пнулками, и плачут и смеются. «На палочках—говорят—претемли». Белые позабирали по деревням все керенки, да еще присоваривали: «Красные их у вас все равно брать не будут». А теперь у всех почти лошадей нет, керенок нет, пармы не подняты. Что будешь делать... Теперь то мы уж очень хорошо знаем, что за беленькие такие.

К этому безыскусственному рассказу только и остается добавить несколько слов из впечатлений товарища, проделавшего путь от Глазова до Перми на лошадах:

— В один голос крестьяне говорят, что у них только теперь глаза по настоящему открылись. Приходят красные—за все платят, спросят для лошадей подножного корму, а потом спрашивают, сколько платить, а те, мало что ничего не давали, а еще и били плетками, в кровь. И уж кажется—пробудь они еще хоть немного, ничего бы от нас и не осталось.

Порка. Порка. Порка...

Не только в рассказах крестьян и рабочих, не только из уст ненавистных белогвардейцам большевиков, кошмарно носилось это слово по Каме и Уралу. Мы видели выше, что социалисты-демократы усердно дебатировали вопрос о ее целесообразности на страницах газет. Слишком уж оно, очевидно, в'елось в жизнь, слишком свободно гулял кнут по спинам рабочих и крестьян, если ему было уделено так много внимания.

Очень неудачны были попытки белых мобилизовать местное население, в особенности туземное, в ряды своих войск. Пермь и вотяки пользовались первым удобным случаем, чтобы застрять в родных местах, поближе к своему дому. А крутобойная система белых доканчивала это дело — и из местного крестьянского населения белым так и не удалось набербовать сколько-нибудь цельных и верных боевых частей.

Как итог этого, можно сказать следующее.

Недовольные действиями отдельных советских работников, а иногда, быть может, излишней ретивостью некоторых Ч. К., крестьяне легко встретили «беленьких», ожидая от них всевозможных поправок и вообще оставления в покое деревни со стороны города в смысле налогов, требований, займов хлеба и проч... Однако, 10—11 месяцев по истине татарского нашествия сразу бросили крестьян в пропасть изжитого царского строя и заставили подумать о Советской власти, как избавительнице.

Ошибки прошлого года, опыт советского строительства за истекший год вообще и прошедшие достаточный опыт взгляды Советской власти на крестьянство могут дать полную уверенность в том, что ныне этого доброго отношения к себе со стороны Камско-Уральского крестьянства мы не испорчим, а наоборот, всячески его укрепим.

10. Армия, которая побеждает.

Надо остановиться несколько подробнее на характеристике той части нашей армии, которая все время с боем пробивалась на Пермь, заняла Екатеринбург, выгнала Колчака со всего горного Урала и, отбросив его за Челябинск, продолжала теснить дальше.

Мне удалось познакомиться с составом этой армии по трем источникам: из многочисленных разговоров с красноармейцами разных эшелонов, двигавшихся по воде и железным путям по направлению к Екатеринбургу, по отзывам некото-

рых т. т. из состава высшего командования и по отчетам отдельных частей армии.

Обращаясь ко всем этим источникам, весь имеющийся в моем распоряжении и, притом, строго фактический материал, можно разбить на несколько естественных рубрик: командный состав, нарушение дисциплины, боевое настроение, культурно-просветительная работа. В этом порядке постепенности я и останавлиюсь на разных сторонах жизни армии, которая побеждает.

Что касается командного состава, то за сравнительно редкими исключениями все источники сходятся на том, что единение командного состава с красноармейцами проведено в этой армии весьма полно. Как отдельные случаи, приводятся факты, когда молодые красные командиры, не зная, как подойти к этому, повому для них материалу, заекивают перед красноармейцами. Но эта заминка, конечно, исчезает после более или менее длительного общения между собою. Характернейшим показателем в этом отношении служит очень распространенная среди молодых командиров убежденность, что их единственное и настоящее дело—быть впереди своей части, в бою предводительствовать ею, находиться в цепи, но пиком образом—сзади ее, в ближнем тылу. Из-за этого командиры лишаются возможности иметь общее руководство боевыми действиями данной части, потому что и сами они, и красноармейцы считали чуть ли не за трусость быть не впереди части, а сзади ее.

Говоря о командном составе, надо коснуться и присылаемых из центра агитаторов. Подобно тому, как командиры, только что выпущенные из школы, должны претерпеть некоторый срок общения с красноармейцами, чтобы стать настоящими красными командирами, так армия перерабатывает и присылаемых агитаторов. Одних из них, почему либо совершенно не удовлетворяющих требованиям, приходится переводить в ряды красноармейцев, других подтягивать, а третьих—нашу-

ывать в самой красноармейской среде и выдвигать их в агитаторский ряд.

Эти несколько замечаний оттеняют некоторые подробности взаимоотношений, общий же их тон—это спаянность между командным составом и красноармейцами.

Как следствие большой политической работы в этой части армии высоко стоит воинская дисциплина. Случаи нарушения дисциплины чрезвычайно редки. Рассказы отдельных командиров и отчеты частей поражают единичными указаниями, причем видно, что, поскольку о них говорят особо, они действительно—исключительны. Вот примеры: несколько человек из такой то роты самовольно зарезали обывательского поросенка, были обнаружены, преданы суду и заплатили потерпевшему стоимость; другие бросили бомбу в воду для глушения рыбы и растратив боевой снаряд—были преданы суду; командир роты освободил крестьянина от подводной повинности, взяв у него за это лошадь—она возвращена мужику, командир предан суду.

Переходя к дисциплине в боевой обстановке, характеризуя боевое настроение, три указанных источника сведений единогласно говорят:

Боевое настроение повышается вместе с наступлением, и тогда не имеет большого значения аккуратность и количество получаемого продовольствия. Отступление понижает это настроение, которое падает еще ниже, если положение осложняется слабым подвозом продовольствия. Но общая картина, при всем этом, такова, что даже при отступлении, при наличии падения боевого настроения — **все боевые приказы исполняются.**

Культурно-просветительная работа была проведена в армии за один отчетный месяц в следующем виде:

Две обслуживающих армию типографии выпустили за этот месяц 4 брошюры (62 тыс. экз.), газет и журналов—700 тыс., разных воззваний—600 тыс., а всего выпущено разной литературы 1.700.000 экз.

В отдельных частях армии очень часты и всевозможные собрания: партийные, политические и образовательные. В 4-х смежных ротах было например за месяц 17 бесед; в артиллерийском дивизионе за 15 дней—11 партийных собраний и 2 спектакля; в одной батарее было устроено за месяц 2 митинга, 10 лекций, 11 бесед, 1 доклад по текущему моменту и 5 партийных собраний.

Почти во всех частях имеются библиотеки—от 100—300 экз. по 3—4 тыс. Запись показывает, что библиотеки работают, выдача книг в месяц по отдельным частям достигает цифры 300 и более.

В значительном числе частей имеются школы грамоты. В походных театрах силами — отчасти особой прифронтовой труппы, отчасти самих красноармейцев, ставились пьесы Островского, Горького и др.

Вот перечень примерных тем митингов и докладов, состоявшихся в разных частях армии за месяц—он показывает, что политические руководители армии имели в виду не только узкие цели освещения текущего момента, но и чисто политическое развитие красноармейцев.

Как попридурачили народ. Дисциплина в Красной армии. — Революционное движение в Ирландии. — Значение взятия Уральских гор. — Как на золото, добываемое рабочими, их же эксплуатировали. — Что такое коммунизм. — Деятельность советов на местах. — Текущий момент. — Экономическая разруха и коммуна. — Конституция Советской власти.

Вся эта культурно-просветительная работа, усиленная в ближних тыловых частях и ослабляемая на передовом фронте, продолжалась неустанно все последнее время. Естественно, что в ближнем тылу митинги и собеседования носили более общий характер, а ближе к врагу—более агитационный, посвященный политической и оперативной злобе дня.

Пробежав беглым взглядом этот небольшой перечень того, что сделано в армии в культурно-просветительном отношении, вспомнив рассказы самих красноармейцев и команди-

ров частей, начинаешь понимать, почему, кроме других причин, эта армия побеждала. Физический кулак дисциплины, психологическая плетка старого воинского устава сменились здесь спаянным общением между командирами и рядовыми воинами, уступили место неустанному духовному просвещению последних.

Неудивительно, почему белогвардейцы, шаг за шагом отступая перед этой армией, не имея сил ей противостоять, хоть в мечтах своих, хоть в печати своей разбивали ее несколько раз. Перелистывая страницы белых газет за полгода, мне пришлось встретить известие о поражении этой советской армии **четыре раза**: в январе Колчак разбил ее 1-й раз, в феврале «были уничтожены» ее остатки, в марте, давно разбитая, она снова была разбита. И, наконец, недели за 2 до прихода нашего в Пермь, белогвардейцы разбили ее в своих газетах окончательно 4-ый раз.

Таково внутреннее состояние той Советской армии, которая побеждает. А о результатах сами за себя говорят освобожденный Урал и освобождаемая Сибирь.

11. Борющиеся армии и крестьяне.

Есть ряд разрозненных фактов, подчас чрезвычайно характерных, а иногда просящихся в сборник военных анекдотов, на которых надо остановиться, выделив их в эту небольшую главу.

Наши красноармейцы дополняют уже приведенные выше рассказы о прозрении крестьян после засилия и ухода белых. Доброжелательное отношение крестьян к пришедшей Советской власти нашло ответ и в таком же отношении к ним со стороны красноармейцев и политических руководителей армии. В разных местах нашего продвижения были устроены собрания совместно с крестьянами, делались доклады по сельскому хозяйству, выступали перебежчики с рассказами о том, что делается у Колчака. Крестьяне действительно встречали красные части вполне радушно, даже угощая их. Красноар-

мейцы не оставались в долгу: так в одном случае красной частью был устроен платный спектакль, причем сбор с него в 1000 руб. был поднесен погорельцам одной деревни в виде подарка от полка.

Солдаты белой армии, отступая перед красной, обычно застревали в попутных родных местах, а сибиряки говорили пермякам, покидавшим свою губернию:—Мы ведь только до своих мест в Сибири, а вы куда идете? Оставайтесь у себя и со своими буржуями немножко поговорите. А мы восвоеся придем—с нашими тоже стесняться не будем.

Пермяки слушают сибиряков и десятками, сотнями покидают Колчака. Обычен такой способ: отстанет «немножко» белый солдат от своей части; зайдет в избу: «нельзя ли переночевать», а на утро, смотришь, его часть ушла далеко, да и красные уж близко. Ну и остается.

Другие факты говорят, что белые солдаты, эвакуируясь из Перми и Екатеринбурга вместе с буржуями, ехали с ними только «до угла», то есть до своих родных мест, а там взяв сундучек, а подчас незаметно прихватив и буржуйский чемодан, срыгивали с тихо плетущегося длинного состава.

Как ни насолили белые крестьянам, с какими добрыми надеждами ни встречали они красную армию и близкий советский строй, все же упорная провокация белых в течении года сыграла свою роль. Первые отряды красных частей встречали среди крестьян весьма подозрительное отношение к «коммунизму» и «коммунистам». И только позже крестьяне приятно разочаровывались, когда узнавали, что те самые красноармейцы и командиры, с которыми у них установились такие добрые отношения—и есть страшные, неистовые «коммунисты».

Эту небольшую главку я закончу двумя курьезными случаями:

На Уфимском фронте человек 15 вздумали перейти на сторону белых и не нашли лучшей декорации для этого, как направиться к неприятельскому дозору с пеннем «Боже царя

храпи». На грех, начальником отряда, принимавшего пленных, оказался... меньшевик, который с кулаками и ругательствами набросился на новоявленных белых. Те оторопели и смущенно заявили: «а мы думали, что у вас монархия». И на раздраженный ответ меньшевика, что у них—«самая настоящая демократия», перебежчики сказали: «ну извините, мы не знали, больше не будем».

Придя в прошлом году в какую-то деревушку, казаки стали реквизировать по избам все, что попадется, и хлестать нагайками, кто попадется. Одну избу они пощадил потому, что нашли в ней портрет бывшего царя. Молва быстро побежала по деревне и во второй ее половине царские портреты оказались во многих избах: правда, изогнутые, извлеченные очевидно из под спуда. Казаки сначала удивились, пропустили без боя 2—3 избы, а потом стали реквизировать и хлестать еще пуще: «Вы что же это, подлецы, загаженного мухами, да вчетверо сложенного царя вешаете в божницы».

12. Три царства Сибири, не считая иностранных.

Пока чехо-словаки занимали Поволжье, пока они давали возможность Колчаку расширяться и внутренне организовываться, царство Колчака было велико: от Волги до Урала и от Урала в Сибирь, далеко за Омск. Но чехо-словаки растаяли, Колчак изгнан с Урала, сдавлен у Омска и принужден был в августе перенести свою ставку из этого города в Ново-Николаевск.

В связи с быстрым продвижением Красной армии вся Сибирь оказалась в августе месяце «полюбовно» поделена следующим образом:

1. От Омска, через Ново-Николаевск, до Красноярска—царство Колчака. Здесь оставшееся ядро его армии, здесь—хищные акулы Колчаковского строя—явные коммерсанты, в тысячу раз зубастее тайных спекулянтов строя советского, тут—на смерть перепутанные толстобрюхие купцы Перми и Екатеринбург, цвет инженерской, докторской и педагогической ин-

теллигенции Урала, здесь и голодный средний трудовой элемент, вовлеченный в невыгодную сделку рассказными о китайских, латшешких и мадярских отрядах Красной армии и бежавший сюда, чтобы жить в землянках и палатках вокруг Омска...

2. От Красноярска до Иркутска железный путь служит для перевозок людей, продуктов и товаров с Дальнего Востока и от Колчака, а потому он охраняется остатками чешских войск, которые ради куска хлеба несут эту службу. Но они выговорили себе право не углубляться, для наведения порядка, в глубь тайги дальше чем на 100 сажен. А дальше этих 100 сажен орудуют повстанческие отряды разных оттенков: есть большевистские, эс-эровские и, очевидно, анархо-зеленые: есть три отряда под предводительством попа, учительницы, и какого-то «комиссара». Эти повстанцы—настоящие хозяева всего пространства от Красноярска до Иркутска и, не входя в сильные перепалки с охраняющими путь чехами, они умудряются пускать под откос составы поездов, следующие от Колчака или Семенова, расположившегося за Иркутском. В начале они пускали под откос все поезда без разбора, но позже стали шадить пассажирские составы и уничтожать лишь товарные. Говорят, что после этого семеновские и колчаковские офицеры переодевались в штатское, ездили в пассажирских поездах вместе с обывателями.

3. В Иркутске и дальше за ним, в районе Читы царствует атаман тамошних казачьих войск Семенов, недавно для большего веса перед Колчаком и союзниками объявивший себя «Великим Князем Монгольским». Его интересы очевидно не сходятся с целями Колчака, не очень жалует он и союзников, а потому действует, с одной стороны на свой авантюристский страх и риск, а с другой—по указке и на деньги японцев. Он не желает поэтому признавать Колчака, как некую силу над ним. Однажды он надумался признать и послал ему об этом телеграмму, но завтра же полетела другая телеграмма, которая аннулировала первую. В конце мая или начале июня на

войсковом казачьем круге (с'езд) он сказал речь, что он очень осторожен в держании руля на какое-нибудь правительство: «Их так много теперь и так неизвестно, кто возьмет верх и успеет, что нам казакам лучше не ввязываться в признание всяких временных правительств»..

Такое соотношение между тремя царствами временно-раздробленной Сибири. В настоящий момент, самым слабым из этих царств надо признать, очевидно, Колчака, ибо он все быстрее и быстрее уплотняется в небольшое пространство между двумя врагами, из которых Красная армия давит его планомерно и могуче, а повстанцы не позволяют сильно вклиниваться в их сторону: несомненно также, что приближение Красной армии и ослабление ею Колчака повышает стихийную революционность повстанцев и организует те местные рабочие элементы, которые не рискуют пока работать рядом с невысленными политически группами.

Ответить на вопрос, поможет ли все-таки Семенов Колчаку, можно сейчас лишь отрицательно. Дело сводится не только к личностям этих двух царских приспешников, не только к отсутствию у них одинаковых целей и даже близких задач, но, главным образом, к тому, что оба они—все же марионетки в руках японцев и союзников, интересы которых в Сибири и на Дальнем Востоке опять таки не одинаковы. Союзники быть может и не мечтают, не хотят навязывать себе на голову территориальные приобретения за счет России, а для Японии это—дважды два четыре, для нее это вопрос существования: как бы побольше оттянуть на Дальнем Востоке, а в худшем случае получить концессии, промысла и хотя бы даже просто пограбить. Наконец Америка ведет себя «странно», и ее интересы опять таки мало сходятся с целями союзников и японцев. Был, например, курьезный случай, когда выпавшую на ее долю миссию—подавить какое-то местное большевистское восстание—Америка выполнила довольно оригинально: послала к повстанцам мирную делегацию, обусловила «пределы влияния»

и покепчила дело без карательного отряда, что вызвало большое неудовольствие англо-французов и японцев.

Для беглой характеристики «демократических» порядков, царящих в царстве Семенова, приведу следующий факт:

В Канск прибыл казачий офицер Красильников, встретивший на улице местного городского голову. Между ними произошел следующий короткий разговор, кончившийся таким же коротким делом:

— Вы кто?

— Канский городской голова.

— По убеждениям?

— Эс-эр.

— Левый или правый?

— Просто эс-эр.

Резолюция и дело:

— Ну и повесить его просто на площади.

Между и вокруг царств Колчака, Семенова и повстанцев, не считая царящих над ними американцев, французов и англичан, есть еще с добрый десяток «племен, наречий, состояний», выброшенных в Сибирь 4-летней империалистской войной: немцы, австрийцы, чехи, поляки, итальянцы, греки, сербы. Это последнее несчастное племя, послужившее для империалистских аппетитов юридической зацепкой, чтоб начать войну, играет сейчас под руководством Колчаков и Семеновых самую позорную роль: именно ту роль, которую белогвардейцы приписывают мифическим отрядам китайцев, латышей и мадьяр, якобы идущих впереди Красной армии. Остатки сербских военных частей несут службу в карательных отрядах, исполняют роль палачей, жгут обреченные деревни, грабят их по приказу и своего начальства и чужого, и без приказа, по собственному почину и аппетиту.

Вот типичный ублюдок национальных отношений, выброшенный войной в далекой Сибири, о которой могли и не

знать эти ослепленные, в конец задурманенные капиталом люди....

13. Чешское социалистическое движение в Сибири.

В дополнение к беглому сообщению о том, что остатки чешских войск охраняют железную дорогу от Красноярска до Иркутска, выговорив себе право не вмешиваться в повстанческие дела, надо добавить несколько слов о судьбе остальных чехо-словаков, бывших в прошлом году нашей временной «грозой», разбросанных по Сибири.

В прошлом году вожаки контр-революции очень удачно и умело использовали тягу чехо-словаков на родину, «доказав» им, что виновниками невозможности попасть домой являются большевики. Эта тяга и по сейчас сильна в чехах. И сейчас лозунг «домой» очень силен и популярен среди обывательских элементов чехо-словаков. В последнее время он питался некоторыми обещаниями со стороны Колчаков и Семеновых и, пожалуй намеками со стороны советской власти на возможность пропустить их через полосу военных действий.

Опыт реакционного выступления чехов в прошлом году и победы красной армии над Колчаком в нынешнем сыграли свою роль среди другой части чехов—среди сознательного элемента, настроенного социалистически. Организовавшаяся социалистическая группа провела в разных местах Сибири собрания среди чехов, вынесшие совершенно определенные решения ультимативного значения.

Собая делегация повезла в Иркутск, в Национальный Совет чехо-словаков эти два требования, предъявляемые ими к десяткам начальствующих лиц и групп союзников и русских белогвардейцев:

1. Не воевать против большевиков вообще, так как по существу они не могут являться врагами чехо-словаков.
2. Не идти под знаменем Колчака, ибо оно совершенно им чуждо.

Национальный Совет, составленный из мелко-буржуазных элементов и настроенный чрезвычайно умеренно,

на смерть перепугался этих резолюций и предложил пркутским «верным» чехо-словакам арестовать делегацию. Те отказались и пришлось прибегнуть к помощи французского генерала Жаннена и силами его солдат арестовать не только делегацию, но и группу взбунтовавшихся «верных» — всего до 100 человек.

Характерно затем и то, что на путях Иркутского вокзала стоят 30—40 вагонов с заключенными в них чехо-словаками, обвиненными в целом ряде нарушений воинской дисциплины.

О быстро растущем разложении среди чешских солдат и росте среди них «большевистских» течений говорит следующий факт:

Эшелон солдат, наскучив долгим держанием его на какой-то промежуточной станции, захватным порядком воспользовался паровозом, срочно привезшим несколько вагонов с направлявшимися по военному делу офицерами, а вагоны пустил куда-то на запасный путь. Когда прибыл следующий смешанный состав офицерских и солдатских вагонов, загнанные в туник чешские офицеры обратились с жалобой на своих самоуправцев к солдатам нового эшелона. Те выслушали, возмущались таким поведением своих товарищей и, немедленно отцепив от своего эшелона офицерские вагоны, пустили их в компанию предыдущих на запасные пути.

Несомненно, что это социалистическое движение чехов сыграет свою большую роль при близком развязывании узла запутанных сибирских отношений: надо думать, что оно уж не позволит чехам исполнять ту гнусную роль, какая им выпала в прошлом году.

Общие итоги.

Исчерпав имевшиеся в нашем распоряжении факты, рассказы очевидцев и личные наблюдения, естественно является желание подытожить все это.

На Урале нам приходится работать на совершенно ровном месте, без интеллигенции и специалистов, применяя

исключительно силы только рабочих. Я повторяюсь, но должен указать, что и здесь, еще больше, чем в глухих углах центральной Советской России, чувствуешь правильность занятой в октябре семнадцатого года большевиками позиции.

В Москве слишком много канцелярского, административного мозга. В Москве слишком много высшей и средней интеллигенции, всяческих специалистов и дельцов — потому и тонут среди них хотя бы даже и десятки, хотя бы даже и две—три сотни истинных пролетариев, подготовленных всем предыдущим рабочим движением и выброшенных на гребень политической борьбы и управления государством в октябре семнадцатого года. Да и не видно там в деталях и отдельных частях строящейся советской машины цельного станка, законченного фабrikата советского строительства.

Но если в городах и деревнях выросшие рабочие сами управляют делом, если в провинции это строительство замечнее, то на Урале оно вычерчивается еще яснее.

Твердые отточенные фигуры рабочих, которые создали Урал или далекие фабрики и заводы центра и севера России, и которые отточили июльские дни, октябрь и полтора года тяжелой и ответственной работы советского строительства и управления государством—здесь на утрюмом спокойном Урале кажутся еще тверже, еще отточеннее.

Не пришло еще время, чтобы посвящать отдельные строки этим фигурам, они принадлежат истории.

Утрюмый и спокойный Урал, сейчас в июле девятнадцатого года, в час освобождения от белых, еще утрюмее, еще спокойнее, чем был год назад: уроки белого нашествия научили его ценить советскую власть, и эта его утрюмость, замкнутость становится твердой уверенностью в своей миссии. И мы можем с такой же уверенностью сказать:

— Освобожденный Красный Урал стал отныне твердокаменным оплотом Советской России.

03к

